

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ДЕЙКСИС КАК СРЕДСТВО АВТОИНТЕРПРЕТАЦИИ ВНУТРЕННЕГО МИРА АВТОРА-РАССКАЗЧИКА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА АНДРЕ ЖИДА)

Е.Б. Савельева

Рассматривается один из видов контекстуального дейксиса – персональный дейксис и его употребление автором художественного произведения жанра автобиографии. Очевидно, что повествование, осуществляемое от первого лица, служит самопрезентации и самоинтерпретации рассказчика (адресанта) и обеспечивает в сознании читателя реализацию координатного указания на Я-автора-рассказчика-персонажа. Актуализация значения единиц персонального дейксиса осуществляется непосредственно в контексте.

Кроме того, данные дейктические маркеры приобретают функции репрезентантов, поскольку полностью раскрывают свой смысл, лишь будучи включенными в ко-референтные отношения с Я-автора-рассказчика-персонажа. Указывая на референцию, они принимают форму анафорических и дейктических отсылок, в зависимости от условий их употребления.

Ключевые слова: персональный дейксис, автор, автобиографический текст, ко-референтные отношения, эпистемические значения, дейктические функции, контекст.

Потребность в самопрезентации, в предъявлении себя другому и самому себе является одной из фундаментальных социальных и личностных потребностей человека [6]. Создавая свой собственный образ, автор автобиографического произведения мыслит себя ретроспективно, в пространственно-временном плане прошлого, и представляет уникальный опыт самопознания и самоосознания на основе системы событий, имевших место в его жизни. Он представляет своё личностное, субъективное отношение к описываемой эпохе, к тем событиям, участником или свидетелем которых был, передаёт свои ощущения, чувства и миропонимание того времени, о котором он пишет. В анализируемых произведениях французского писателя Андре Жида, а именно в автобиографической повести «Если зерно не умрет...» [10], события, оказавшие наиболее существенное влияние на становление личности А. Жида, раскрывают причины, мотивы тех или иных поступков, образующих сложную систему его жизненного пути. Так, в предлагаемом отрывке (1) автор объясняет своё намерение описать последующие события личной жизни такими, как он переживал их в момент свершения, а не на основе тех оценок, которые появились впоследствии, по мере того, как он возвращался к этим воспоминаниям, пытаясь понять причины и мотивы произошедшего и пережитого:

(1) *Les faits dont je dois à présent le récit, les mouvements de mon coeur et de ma pensée, je veux présenter dans cette même lumière qui me les éclairait d'abord, et ne laisser point trop paraître le jugement*

que je portai sur eux par la suite. D'autant que ce jugement a plus d'une fois varié et que je regarde ma vie tour à tour d'un oeil indulgent ou sévère suivant qu'il fait plus ou moins clair au-dedans de moi. Enfin, s'il m'est récemment apparu qu'un acteur important: le Diable, avait bien pu prendre part au drame, je raconterai néanmoins ce drame sans faire intervenir d'abord celui que je n'identifiai que longtemps plus tard. Par quels détours je fus mené, vers quel aveuglement de bonheur, c'est ce que je me propose de dire. En ce temps de ma vingtième année, je commençai de me persuader qu'il ne pouvait m'advenir rien que d'heureux; je conservai jusqu'à ces derniers mois cette confiance, et je tiens pour un des plus importants de ma vie l'événement qui m'en fit douter brusquement. Encore après le doute me ressaisis-je – tant est exigeante ma joie; tant est forte en moi l'assurance que l'événement le plus malheureux en première apparence reste celui qui, bien considéré, peut aussi le mieux nous instruire, qu'il y a quelque profit dans le pire, qu'à quelque chose malheur est bon, et que si nous ne reconnaissons pas plus souvent le bonheur, c'est qu'il vient à nous avec un visage autre que celui que nous attendions (p. 283–284).

Этот небольшой отрывок показывает, прежде всего, желание автора как можно глубже проникнуть в суть описываемых поступков, понять природу своего нравственного беспокойства, которое постоянно вызывало воспоминания о пережитых событиях и заставляло обдумывать и оценивать эти поступки. Он передаёт своё мироощущение и своё миропонимание того времени, о котором он пишет, создавая свое дискурсивное / текстовое

пространство, свой «референциальный мир» автобиографического текста в соответствии со своими представлениями о тех событиях его жизни, которые имели место в определённом времени и пространстве.

Автор, являясь рассказчиком (адресантом), представляет то или иное событие как автобиографическое посредством создания *Я-концепции* [8, с. 475], когда повествование, осуществляемое от первого лица, служит его самопрезентации и самоинтерпретации, и его монологическая речь неизбежно сопровождается «грамматическими указываниями» [5, с. 135]. Именно поэтому, считает О.Н. Гронская, «...выходы авторского «я» в поверхностную структуру текста выполняют функцию интенсивных прагматических сигналов, координирующих читательскую рецепцию» [2, с. 9]. Субъективированная направленность автобиографической прозы А. Жида обеспечивается наличием местоимения 1-го лица *Je (Я)*, которое имеет, прежде всего, дейктическую определённость: личное местоимение *Я*, занимающее центральную позицию в сфере личного дейксиса (*Я-дейксис*), в автобиографическом представлении «указывает на единственную личность и тем самым на уникальное мировосприятие» [1, с. 20]. Формы самовыражения авторского «Я» объективированы в системе языка в грамматической категории лица. Они представлены в тексте ударной формой *moi*, прилагательными местоимениями, выражающими прямое и косвенное дополнение личного местоимения *me*, а также притяжательными прилагательными *mon (ma, mes)* и притяжательными местоимениями *le mien (les miens, la mienne, les miennes)*. Выражение авторского «Я» подтверждается в согласовательных формах глаголов: *je fus mené, je me propose de dire, je raconterai*.

Актуализация значения данных языковых единиц осуществляется именно в контексте. Так, рассказывая о своем детстве, о своей семье, о своей жизни, А. Жид постоянно использует притяжательное местоимение 1-го лица, указывающее на принадлежность некоторого объекта его личностной сфере:

(2) *Dans ma famille on a toujours tenu très serré les domestiques. Ma mère, qui se croyait volontiers une responsabilité morale sur ceux à qui elle s'intéressait, n'aurait souffert aucune intrigue qu'un hymen ne vînt consacrer* (p. 57);

(3) *Marie, ma bonne, accompagnait mes promenades* (p. 51).

Трудно не согласиться с замечанием П.К. Златевой: «Это несамостоятельный способ указывания, который характеризуется самой большой степенью определённости и для отправителя речи, и для его получателя. Он считается самым надёжным способом достижения однозначной идентификации вводимого объекта» [3, с. 7].

В тексте используются также прямое или косвенное дополнения 1-го лица единственного числа:

(4) *Ma mère qui voyait là une occasion de me faire prendre l'exercice, me permettait de me joindre à ces excursions dominicales qui prenaient pour moi tout l'attrait d'une exploitation scientifique* (p. 33).

Данные местоимения обеспечивают в сознании читателя реализацию координатного указания на *Я-автора-рассказчика-персонажа*. Они приобретают функции репрезентантов, поскольку полностью раскрывают свой смысл, лишь будучи включенными в кореферентные отношения с *Я-автора-рассказчика-персонажа*, тем самым указывая референцию и устанавливая анафорическую связь с этим «Я». Этот факт объясняется тем, что «местоимения [...] образуют [...] лексико-семантический класс слов, единство которого обусловлено его принципиальной ролью в осуществлении референции: это слова, в значение которых входит либо отсылка к акту речи, либо указание на тип соотносённости высказывания с действительностью» [7, с. 11]. Поэтому они могут принимать форму и анафорических и дейктических отсылок, в зависимости от условий их употребления.

Акт самоосознания осуществляется на пространственно-временной точке настоящего (*я* – здесь – сейчас), в которой автор (субъект) объективирует себя, представляя себя в прошлом в качестве объекта воспоминания. Автобиографическое произведение – это определенный творческий акт, в котором осуществляется претворение индивидуального опыта через воспоминание о прошлом, передаваемое посредством определённых языковых средств. Среди этих средств, прежде всего, следует отметить глаголы *se souvenir* (46 употребления) и *revoir* (17 употреблений), использованные в 1-м лице единственного числа, а также существительные *le souvenir* (38 употреблений) и *la mémoire* (8 употреблений). Они подтверждают достоверность предоставляемых автором-рассказчиком сведений о событиях из его прошлого и указывают на наличие неразрывной связи между периодом детства, отрочества, юности и последующей жизнью писателя, осмысливающего ее историю:

(5) *Je me souviens surtout (fort bien, etc.)* «я особенно вспоминаю (очень хорошо помню и т. п.)»;

je revois (un balcon, une photographie de mon père, etc.) «я вновь вижу (балкон, фотографию своего отца и т. п.)»;

je ne revois en moi que... «я снова вижу в себе только...»;

au sommet de mes souvenirs ... «на пике моих воспоминаний...»;

le souvenir que j'aigardé d'elle ... «воспоминание, которое я сохранил о ней...»;

aussi loin que ma memoire remonte en arriere ... «Насколько глубоко моя память уходит в детство...» и т. п.

Заслуживает внимания употребление в авторской речи ментальных глаголов *croire* и *penser*.

Контекстуальный анализ авторской речи показал, что использование данных глаголов имеет достаточно неоднородный диапазон значений: они могут выражать как эпистемические значения мнения, предположения и мнения-предположения, так и неэпистемические значения мыслительной деятельности (т. е. восприниматься как собственно глагол мышления).

В результате анализа примеров с глаголом *croire* (75 употреблений) было установлено, что данный глагол реализует в данном тексте в основном эпистемические значения. Так, в предложении (6) глагольная форма *Je crois* выражает субъективное отношение автора к действительности, прежде всего, с точки зрения оценки достоверности сообщаемого факта. Она ориентирует читателя на достоверность сообщаемой информации и имеет значение «я считаю, я полагаю»; автор выражает мнение и он уверен, что современные дети не играют в игры его детства:

(6) *Bref, je passais des heures et des jours à ce jeu. Je crois que les enfants d'aujourd'hui l'ignorent, et c'est pourquoi j'en ai si longuement parlé* (p. 13) – «короче я проводил часы и дни за этой игрой. Я думаю, что нынешние дети о ней не знают. Вот почему я так долго о ней говорю...»

В предложении (7) глагольная форма *je crois* в сочетании с местоимением *le* и наречием *bien* имеет значение мнения и убежденности:

(7) *Ce fut, je le crois bien, un des premiers éclairs de ma conscience* (p. 36) – «это было, я в этом уверен, одно из первых проблесков моего сознания...»

В предложениях (8) и (9) глагольная форма *Je crois* выражает значение предположения относительно представленного в придаточном предложении положения дел:

(8) *Je crois qu'elle ne devait pas manger à sa faim* (p. 20) – «мне кажется, она никогда не ела досыта...»;

(9) *Je crois que c'est par modestie que maman ne jouait jamais seule; mais, à quatre mains, comme elle y allait!* (p. 20) – «мне кажется, что только из-за скромности мама никогда не играла одна, но в четыре руки, как она играла!»

Как правило, глагол *croire* используется для того, чтобы представить, что мнение или предположение высказывается в момент создания произведения, т. е. в момент речи, и оно не относится к описываемым событиям, а лишь выражает отношение автора к ним. Однако он может использоваться и в ситуациях, относящихся непосредственно к событию в прошлом.

В предложениях (10) и (11) глагол *croire* используется в эпистемическом значении мнения (= убежденности в) об определенном положении дел, но относится к описанию состояния героя в тот момент, когда происходило описываемое событие. Это событие представляет для сознания говорящего его «прошлое», то, о чём он воспомина-

ет. Этим объясняется форма *Imparfait* данного глагола, и он имеет значение «я тогда так думал, таково было мое мнение»:

(10) *Puis, quand il fut à terre, ivre de mon triomphe je le traînai à la manière antique, ou que je croyais telle; je le traînai par la tignasse, dont il perdit une poignée* (p. 90);

(11) *<...> en lui donnant tout ce qu'il demandait, je ne croyais rien faire que de tout naturel<...>* (p. 258).

В результате анализа примеров с глаголом *penser* (29 употреблений) было установлено, что данный глагол реализует в зависимости от контекста разнообразные оттенки значения как эпистемического, так и неэпистемического характера.

Так, в предложениях (12) и (1) глагол *penser* передает осознание и оценку истинного положения дел в сложившейся ситуации и имеет эпистемическое значение «я так думаю; таково мое мнение»:

(12) *Je pense que ma mère n'attendait de cette consultation, en plus de quelques conseils peut-être, qu'un effet tout moral* (p. 66);

(13) *Qu'est-il besoin de raconter nos jeux? Je ne pense pas qu'ils différassent beaucoup de ceux des autres enfants de notre âge, sinon peut-être par la passion que nous y apportions* (p. 94).

Следует отметить, что в (14) отрицательная форма глагола подчеркивает намерение автора представить данный факт как истинный, достоверный, и глагол *penser* выражает мнение-предположение.

В примере (15) глагол *penser* имеет неэпистемическое значение мыслительной деятельности и выражает не мнение, а констатацию определенного факта, имевшего место в прошлом. Поэтому *Je ne supportais point de penser que* может быть переведено как «Я не допускал даже мысли (о том), что...»:

(14) *Je ne supportais point de penser qu'il pût avoir confidant plus intime, et je m'offrais à tous aussi complètement que j'exigeais que chacun se donnât à moi* (p. 258).

В следующем примере данный глагол имеет значение «думать», «вспоминать», т. е. также имеет неэпистемическое значение:

(15) *Un peuple d'hirondelles sans cesse tournoyait autour de la maison <...> Quand je pense à La Roque, c'est d'abord leurs cris que j'entends; on eût dit que l'azur se déchirait à leur passage. J'ai souvent revu ailleurs des hirondelles; mais jamais nulle part ailleurs je ne les ai entendues crier comme ici <...>* (p. 69).

Авторское присутствие в тексте маркируют и другие глаголы, употребленные в 1-м лице единственного числа настоящего времени:

(16) *De chez Mme Lackerbauer, je ne me rappelle qu'une «machine de Ramsden», une vieille machine électrique* (p. 19);

(17) *Inutile d'ajouter que j'étais un des derniers de la classe. Je le répète: je dormais encore; j'étais pareil à ce qui n'est pas encore né* (p. 64);

(18) *Je tâche à m'expliquer ce délire* (p. 86);

(19) *Je ne cherche plus à comprendre pour quelles raisons ma mère, quand je commençai ma huitième, me mit pensionnaire* (p. 87); *Je cherche à m'expliquer d'où vient que je n'ai nul désir de parler, dans ces mémoires, d'amitiés qui pourtant tinrent une telle place dans ma vie* (p. 257);

(20) *Le jardin de Cuverville, où j'écris ceci, n'a pas beaucoup changé* (p. 94);

(21) *Je doute si ce lycée avait beaucoup changé depuis le temps de Rabelais* (p. 105);

(22) *Je renonce à citer; ce serait beaucoup trop long* (p. 132);

(23) *Je proteste qu'il n'y avait place en mon coeur pour aucun sentiment de révolte* (p. 143);

(24) *Je reconnais qu'en ce temps il n'était pas aussi facile qu'aujourd'hui de trouver un bon professeur* (p. 157);

(25) ... *j'ajoute à mes souvenirs d'enfant d'autres souvenirs plus récents* (p. 173);

(26) *Je ne trouve rien d'autre à raconter de ce soir-là, qui, somme toute, fut assez morne* (p. 300);

(27) ... *je regrette de n'avoir pas noté de ses phrases* (p. 43).

Особое место в автобиографическом произведении А. Жида занимает глагол *savoir*. Он употребляется в двух значениях: *я знаю / я не знаю* (28, 29, 30) и *я не знаю, т. е. не помню* (31, 32):

(28) *Qui de nous deux en avait instruit l'autre ? et de qui le premier les tenait-il ? Je ne sais* (p. 10).

(29) *L'espace asphalté, ou macadamisé je ne sais, qui borde ce second Luxembourg, servait de piste aux amateurs* (p. 18);

(30) *Mais ce que je sais suffisamment c'est que je rencontrai Ferdinand Hérold partout* (p. 270)

(31) ... *à ma grande joie, ma mère me confia pour quelques jours à son amie, je ne sais plus à quelle occasion* (p. 35);

(32) *Il y avait là ma grand-mère, Mme Abauzit son amie, Mme Vincent et deux autres vieillards dont je ne sais plus le nom* (p. 45).

Таким образом, в автобиографическом тексте, характеризующемся «предельной функциональной нагруженностью, подчиненностью всех единиц целому, общему замыслу» [4, с. 73], многократное использование глаголов *se souvenir, revoir, croire, penser, savoir* и других глаголов в 1-м лице единственного числа настоящего времени, а также существительных *le souvenir* и *la mémoire* выполняет дейктическую функцию маркирования авторского присутствия. Автор текста, представляя свои воспоминания, стремится оставить предельно правдивым и искренним. Он высказывает своё мнение относительно каких-то фактов и событий, он в чём-то убежден, в чём-то сомневается, что-то предполагает, но совершенно очевидно, что в момент написания своего романа он пытается передать те ощущения и чувства, которые он испытывал в тот момент, когда эти события и факты имели место.

Авторская партия включает и высказывания типа:

(33) *Mais je reviens à la chimie* (p. 133);

(34) *Mais je reviens à ma lecture de Gautier* (p. 200);

(35) *Je reviens à mes compagnons* (p. 264);

(36) *Ce n'est pas le lieu d'en parler* (p. 197).

Наличие таких высказываний связано с тем, что, описывая какое-то событие или факт, рассказчик отступает от сюжетной линии, вдаваясь в подробности, вспоминая детали; рассказ получается достаточно продолжительным. И тогда следуют высказывания типа (33)–(34). Иногда, наоборот, автор либо не хочет говорить о каком-то событии, либо будет говорить о нем в другом месте (36).

Данные предложения выступают как своеобразная авторская реакция на собственный текст: этими примечаниями комментируется авторская позиция Андре Жида, относящаяся к структурной и содержательной сторонам произведения. Это позволяет полнее понять не только содержание и структуру текста, но и идентифицировать авторское пространство. Авторские комментарии касаются широкого спектра вопросов, связанных как с текстом, так и с общими рассуждениями на разные темы, такие как литература, философия, общество, образование и воспитание, отношения между людьми, мораль и нравственность.

Естественно предположить, что они также являются дейктическими маркерами авторского присутствия в автобиографическом тексте. Следует, однако, заметить, что ни глагольные лексемы, ни высказывания (33)–(36) не обладают всей полнотой признаков, характеризующих собственно дейктические элементы [9]. Их дейктическая предназначенность вытекает из контекста, образующего пространство автобиографической прозы, одним из важнейших компонентов которого является собственно авторская речевая партия. Использование данных языковых единиц в дейктической функции обеспечивает установление соотношения, прежде всего, во времени между автором автобиографического текста и теми персонажами, в том числе и главным героем, которых он описывает.

Литература

1. Гребенюк, О.С. Автобиография: философско-культурологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук / О.С. Гребенюк. – Ростов н/Д, 2005. – 21 с.

2. Гронская, О.Н. Лингвистические средства реализации образа автора в текстах немецких романтических литературных сказок (В. Гауфф, Э.Т.А. Гофман, К. Брентано): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Н. Гронская. – М., 1987. – 23 с.

3. Златева, П.К. Лексико-семантические средства организации цельности текста (на материале слов-субститутов в английском, болгарском и русском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук / П.К. Златева. – М., 1987. – 24 с.

4. Кизима, М.П. *Художественный текст как целое* / М.П. Кизима // *Высказывание и текст: взаимодействие языковых единиц*. – М.: АН СССР ИЯ; МГИМО, 1988. – С. 72–78.

5. Кирющенко, В.В. *Язык и знак в прагматике* / В.В. Кирющенко. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2008. – 199 с.

6. Лабунская, В.А. *Бытие субъекта: самопрезентация и отношение к внешнему «Я»* / В.А. Лабунская // *Субъективная личность и психология*. – М., 2005. – С. 235–257.

7. Падучева, Е.В. *Высказывание и его соот-*

несенность с действительностью / Е.В. Падучева. – Изд. 5-е, испр. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 296 с.

8. *Психология: словарь* / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., М., 1990. – С. 475.

9. Савельева, Е.Б. *Дейксис и анафора: общее и специфическое* / Е.Б. Савельева // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета (ИГЛУ)*. – 2012. – № 3(20). – С. 181–188.

10. Gide, A. *Si le grain ne meurt: coll. folio* / A. Gide. – Paris: Editions Gallimard, 1920–1924. – 373 p.

Савельева Елена Борисовна, старший преподаватель кафедры методики преподавания иностранных языков, Московский государственный областной гуманитарный институт (Орехово-Зуево); lenaandrei2007@rambler.ru.

Поступила в редакцию 28 января 2014 г.

Bulletin of the South Ural State University
Series “Linguistics”
2014, vol. 11, no. 2, pp. 70–75

PERSONAL DEIXIS AS MEANS OF AUTOINTERPRETATION OF AUTHOR-NARRATOR'S INNER WORLD IN AUTOBIOGRAPHICAL DISCOURSE (BASED ON WORKS BY ANDRE GIDE)

Elena B. Savelyeva, Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zuevo, Russian Federation, lenaandrei2007@rambler.ru

The article is dedicated to one type of contextual deixis – personal deixis, and its usage by the author of autobiographical genre of belles-lettres. Obviously, the first person narration serves as self-presentation and self-interpretation of the narrator (addresser) and provides the realization of coordinate indication of I-the author-the narrator-the character in the reader's perception. Actualizing the meaning of personal deixis units is carried out directly in the context. Besides, the deictic markers fulfill representative functions, as they completely reveal their meaning only being included in coreference relations with I-the author-the narrator-the character. Indicating the reference they take the form of anaphoric and deictic references depending on the conditions of their usage.

Keywords: personal deixis, author, autobiographical text, coreference relations, epistemic meaning, deictic functions, context.

References

1. Grebenuk O.S. *Avtobiografija: filosofsko-kul'turologicheskij analiz. Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Autobiography: Philosophical and Cultural Analysis. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Rostov na Donu, 2005, p. 21.

2. Granskaya O.N. *Lingvisticheskie sredstva realizacii obraza avtora v tekstah nemeckih romanticheskikh literaturnyh skazok (V. Gauff, Je.T.A. Gofman, K. Brentano). Avtoref. dis. kand. filol. nauk.* [Linguistic Means to Implement the Author's Image in the Texts of German Romantic Literary Tales (V. Gauff, ETA Hoffmann, K. Brentano). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1987, p. 23.

3. Zlatev P.K. *Leksiko-semanticheskie sredstva organizacii cel'nosti teksta (namateriale slov-substitutov v anglijskom, bolgarskom i ruskom jazykah). Avtoref. dis. kand. filol. nauk.* [Lexical-semantic Organization Means of the Integrity of the Text (based on the substitute words in English, Bulgarian and Russian). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1987, p. 24.

4. Kizima, M.P. *Hudozhestvennyj tekst kak celoe. Vyskazyvanie i tekst: vzaimodejstvie jazykovyh edinic* [Literary Text as a Whole. Statements and Texts: the Interaction of Language Units]. Moscow, USSR Academy of Linguistics Publ., MGIMO, 1988, pp. 72–78.
5. Kiryushchenko V.V. *Jazykiznak v pragmatizme* [Language and Sign in Pragmatism]. St. Petersburg, European Univ. in St. Petersburg Publ., 2008, pp. 199 .
6. Labunskaya V.A. Bytie sub'ekta: samoprezentacija i otnoshenie k vneshnemu "Ja". *Sub'ektivnaja lichnost' i psihologija* [Subject Being: Self-Presentation and Relationship to the External "I". Subjective and Personality Psychology]. Moscow, 2005, pp. 235–257.
7. Paducheva E.V. *Vyskazyvaniei ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju* [Statement and its Relation to Reality]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 271 p.
8. *Psihologiya: Slovar 2nd izdanie, pod. obsch. red. A.V. Petrovskogo, M.G. Yaroshevskogo*. [Psychology: Dictionary. 2nd edition. Editors A.V. Petrovskogo, M.G. Yaroshevskogo]. Moscow, 1990, pp. 475.
9. Savelyeva E.B. [Deixis and Anaphora: General and Specific]. *Vestnik of the Irkutsk State Linguistic University (NEEDLE)*. 2012, no. 3 (20), pp. 181–188. (in Russ.)
10. Gide A. Si le grain ne meurt, coll. Folio, Editions Gallimard, Paris, 1920–1924, 373 p.

Elena B. Savelyeva, Senior lecturer, Foreign languages' teaching methodology Department, Moscow State Regional Institute of Humanities (Orekhovo-Zuevo), lenaandrei2007@rambler.ru

Received 28 January 2014